

Г.Ф. Ашаффенбург

Преступление и борьба с ним

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 159.9
ББК 88
Г11

Г11 **Г.Ф. Ашаффенбург**
Преступление и борьба с ним / Г.Ф. Ашаффенбург – М.: Книга по Требованию, 2024. – 250 с.

ISBN 978-5-518-05781-4

ISBN 978-5-518-05781-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Предисловіе редактора перевода.

Въ тяжелое для науки время выходитъ предлагаемая читателямъ книга. Все вниманіе общества сосредоточено на политической борьбѣ и пока она не кончится первой побѣдой—завоеваніемъ правъ человѣка и гражданина—ни люди науки, ни учащіеся не смогутъ отдаваться проблемамъ теоретическаго знанія. Ученые стали публицистами, борцами; научная мысль изгнана изъ общественной и государственной жизни,—университеты закрыты и у входа ихъ стоятъ военные караулы.

Но если тѣ, которые до сихъ поръ посвящали свои силы и способности наукѣ, стали теперь въ ряды борцовъ за освобожденіе Россіи, то этимъ они не только не задерживаютъ культурнаго и научнаго развитія страны, но, напротивъ, открываютъ путь, при которомъ лишь и возможенъ непрерывный прогрессъ знанія. Въ поращенной странѣ поработана и наука—хартія свободъ необходимое условіе ея процвѣтанія. Съ увѣренностью можно утверждать, что въ освобожденной Россіи проявится широкая творческая дѣятельность. Проблемы, которыхъ подъ гнетомъ абсолютизма или нельзя было касаться, или разрѣшать которыхъ не имѣло непосредственно практическаго смысла, такъ какъ рѣшенія ихъ не могли найти примѣненія въ русской жизни, привлекутъ къ себѣ вниманіе нашей интеллигенціи. Одной изъ такихъ проблемъ и была проблема уголовного права. Къ кому должны были быть направлены проекты реформы уголовного законодательства? Кто долженъ былъ использовать выводы уголовной соціологіи? Бюрократія—мышленіе, принципы, идеи которой слишкомъ далеки отъ научнаго духа? Вѣдь введена же въ наше уголовное уложеніе смертная казнь, такъ какъ этого требовала „политика“, несмотря на то, что сами составители его выставили цѣлый рядъ доводовъ противъ смертной казни съ точки зрѣнія научной критики!

Книга Ашаффенбурга „Преступленіе и борьба съ нимъ“ была восторженно встрѣчена германскимъ ученымъ міромъ. Проф. Листъ въ своей рецензіи говоритъ: „Ашаффенбургъ—первый нѣмецкій писатель, рѣшившійся на смѣлый шагъ. Онъ предлагаетъ намъ систему уголовной политики, опирающуюся на научное основаніе... Работа эта прокладываетъ новые пути... Въ Германіи онъ первый подвергъ научной обработкѣ область, которая до сихъ поръ была ареной

диллетантскихъ попытокъ. Онъ начертилъ планъ, по которому можетъ быть сооружено зданіе новой науки, и самъ построилъ по этому плану остовъ его. Не трудно будетъ собрать новый матеріалъ, довершить то, что онъ лишь намѣтилъ, дать внутреннюю и внѣшнюю отдѣлки воздвигнутому имъ лишь вчернѣ зданію. Его книга—наиболѣе цѣнная для реформы уголовного законодательства въ Германіи.“ Другой нѣмецкій криминалистъ—проф. Лиліенталь—называетъ работу Ашаффенбурга образцовой, которую нужно настойчиво рекомендовать всѣмъ, интересующимся вопросами уголовной политики.

Рекомендуя книгу Ашаффенбурга, какъ по собранному и обработанному въ ней матеріалу, такъ и по методу, которымъ онъ пользовался при изслѣдованіи сущности преступленія и его причинъ, мы должны сказать, что не со всѣми взглядами автора можно согласиться. Посвящая всю первую часть своего труда (стр. 11--96) выясненію зависимости преступленія отъ отдѣльныхъ соціальныхъ факторовъ, авторъ не анализируетъ *структуры* современнаго общественнаго строя съ его капиталистическимъ способомъ производства. Между тѣмъ преступленіе порождается, главнымъ образомъ, этимъ строемъ, а погону и мѣры борьбы, которыя предлагаетъ Ашаффенбургъ, какъ некасающіяся переустройства государственныхъ и общественныхъ формъ жизни, могутъ считаться лишь палліативами. Лишь перестройка политическаго и общественнаго организма согласно требованіямъ социализма освободитъ человѣчество отъ значительнаго числа преступленій.

Я. С.

Предисловіе автора.

Наука уголовного права, несмотря на тѣснѣйшую связь, соединяющую ее съ общественною жизнью, долгое время имѣла совершенно абстрактный характеръ. Продуктъ школьныхъ и чисто логическихъ построений, она удовлетворялась тщательно сформулированными опредѣленіями и блещущими остроуміемъ силлогизмами. Какую массу умственной работы надо было потратить для того, чтобы разграничить другъ отъ друга отдѣльные виды преступленія, истолковать точный смыслъ неудачно изложеннаго закона, — показываютъ учебники и комментаріи, научные журналы и болѣе всего рѣшенія нѣмецкаго имперскаго суда. И все-таки уголовная наука не избѣжала опасности и впала въ крюкотворство и игру словами; *буква*, а не *духъ*, получила въ ней преобладаніе.

Вотъ почему даже самые упорные сторонники существующаго законодательства не могли не признать *необходимости реформы нашего уголовного кодекса*. Нельзя сомнѣваться въ томъ, что реформа будетъ совершенна. Вопросъ только въ томъ, какое направленіе она приметъ, и достигло ли общественное мнѣніе той степени просвѣтленія, чтобы возможно было предпринять дѣйствительно серьезную реформу. По мнѣнію сторонниковъ классическаго направленія моментъ для этого созрѣлъ. Они хотятъ только измѣненія тѣхъ многочисленныхъ опредѣленій, которыя уже обнаружили свою негодность и нецѣлесообразность; они хотятъ устраненія только тѣхъ параграфовъ, которые вели къ грубѣйшимъ ошибкамъ; они согласны, пожалуй, и на исключеніе изъ уголовного уложенія полицейскихъ наказаній; но въ остальномъ основы начала дѣйствующаго кодекса должны по возможности оставаться неприкосновенными.

Для другого направленія весь центръ тяжести находится въ *борьбѣ съ преступленіемъ*, отдѣльныя же наказанія имѣютъ смыслъ лишь постольку, поскольку они могутъ служить этой цѣли. Не подлежитъ сомнѣнію, что это направленіе находится въ тѣснѣйшей связи съ естественно-научнымъ методомъ мышленія и изслѣдованія, который и здѣсь оказалъ свое живое и плодотворное дѣйствіе. Оно наблюдаетъ преступленіе и преступника и затѣмъ ищетъ средствъ борьбы съ ними.

Задача изслѣдованія причинъ преступленія, несмотря на массу труда, вложеннаго въ нее, совершенно не можетъ считаться разрѣ-

шенной. Когда я въ 1896 году въ Гейдельбергѣ впервые приступилъ къ чтенію лекцій по психологіи преступленія и преступника студентамъ всѣхъ факультетовъ, я часто оказывался въ большомъ затрудненіи при отысканіи надежнаго матеріала для обоснованія моихъ положеній. Лучшій матеріалъ я находилъ въ *нѣмецкой уголовной статистикѣ*, тщательная постановка которой служитъ краснорѣчивымъ доказательствомъ того, что наши государственныя учрежденія давно уже признали важность уголовно-статистическихъ данныхъ. Такимъ образомъ, съ теченіемъ времени, благодаря ежегодно обнародовавшимся статистическимъ бюро новымъ свѣдѣніямъ, мнѣ представлялся удобный случай заполнять образовавшіеся пробѣлы, провѣрять и исправлять сомнительныя и спорныя положенія и тѣмъ самымъ давать опредѣленную законченность своимъ взглядамъ.

Выводы, къ которымъ привело меня, какъ и многихъ другихъ, изученіе преступленія, оказались несомнѣстными съ *основаніями нашего существующаго законодательства*. Я лично не допускаю возможности созданія новаго уголовного кодекса путемъ компромисса. Этому мѣшаютъ слишкомъ рѣзкія прогиворѣчія. Но одно я считаю возможнымъ,—это то, чтобы даже лица, готовые удовольствоваться украшеніемъ фасада зданія, устраненіемъ его уродливостей и вѣряція въ прочность и надежность его фундамента, попытались продумать взгляды тѣхъ, для которыхъ существенное заключается не въ *преступленіи*, но въ *огражденіи правъ общества*. Богатый опытъ даетъ мнѣ смѣлость утверждать, что даже криминалисты, стремящіеся обосновать уголовное право съ точки зрѣнія защиты общества, нерѣдко обнаруживаютъ крайне недостаточныя и подчасъ совершенно ошибочныя представленія. И, однако, мнѣ думается, что каждый, кому близко благо народа, безусловно *обязанъ* прислушиваться къ такимъ взглядамъ и не проходить мимо того, чему учили послѣднія десятилѣтія.

Это—обязанность не только криминалистовъ и судей, не только гѣхъ, которые призваны содѣйствовать реформѣ уголовного законодательства. Поле дѣйствія расширяется, такъ какъ важнѣе борьбы съ преступленіемъ — *предупрежденіе* его; въ этомъ именно направленіи всѣ должны работать; къ этой работѣ я и хотѣлъ бы призвать.

Разъ знаніе *причинъ преступленія* сдѣлается общимъ достояніемъ, а укоренившіеся предрасудки исчезнутъ, тогда можно будетъ предпринять кампанію въ пользу принциповъ новаго уголовного права; тогда будетъ найденъ путь для серьезной борьбы съ преступностью ко *благу страны и народа*.

ВВЕДЕНИЕ.

Задача и методъ.

Для уголовного судьи наказаніе предполагаетъ совершеніе такого поступка, который по закону считается *преступленіемъ* ¹⁾ и запрещается подъ страхомъ наказанія. Nullum crimen sine lege! Этотъ взглядъ, выражающій основное положеніе уголовного права, соотвѣтствуетъ § 2 нѣмецкаго имперскаго уголовного уложенія. «Дѣяніе только тогда можетъ повлечь за собою наказаніе, когда это наказаніе установлено было закономъ до момента совершенія дѣянія». Это значитъ, что дѣяніе, считающееся по *дѣйствующему* въ данное время праву преступленіемъ, перестаетъ быть таковымъ, когда соотвѣтствующій параграфъ уголовного уложенія отмѣняется. Такъ было бы, напр., съ дѣяніемъ § 175. въ пользу отмѣны котораго были приведены различныя основанія, частью юридическаго, частью медицинскаго характера. Если бы требованіе объ отмѣнѣ этого параграфа было удовлетворено, то этимъ самымъ противоестественныя сношенія между лицами мужского пола не считались бы болѣе преступленіемъ.

Съ другой стороны, § 2 исключаетъ изъ компетенціи уголовного судьи тѣ дѣянія, которыя намѣренно или случайно не захвачены областью законодательной санкціи, или же наказуемость которыхъ не можетъ быть допущена по точному тексту параграфовъ закона. Въ примѣрахъ этому недостатка нѣтъ: таковы: половыя сношенія женщинъ другъ съ другомъ; содѣйствіе дѣянію, главный виновникъ котораго долженъ быть оправданъ вслѣдствіе невмѣняемости,—все это дѣйствія, не подлежащія наказанію. Чтобы обвинить суттинера, чтобы привлечь къ отвѣтственности за кражу электрической энергіи должны быть созданы особые законы.

Гейеръ ²⁾ удивляется совершенно понятному для неюристовъ взгляду, по которому подвергается наказанію *покушеніе* съ годными, но неумѣло примѣненными средствами, и какъ на примѣръ указываетъ на кушарку.

¹⁾ Въ послѣдующемъ изложеніи я постоянно буду говорить о *преступленіи* и въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ, согласно принятому германскимъ уголовнымъ уложеніемъ трехчленному дѣленію, дѣло идетъ только о проступкѣ или полицейскомъ нарушеніи.

²⁾ Geyer, *Über die sogenannten untauglichen Versuchsvorbildungen*, Zeitschrift für die gesamte Strafrechtswissenschaft, т. I, стр. 35.

поставившую подъ кровать своей сомерницы чашку съ вѣсколькими порошинками и затѣмъ взорвавшую ихъ при помощи зажженной спички. Неужели только потому, что этотъ планъ не удался и не могъ удался, что задуманное убійство не осуществилось только вслѣдствіе непредна-мѣренной ошибки въ примѣненіи средства, виновница его должна быть оправдана! *Цукеръ*¹⁾), какъ примѣръ ненаказуемаго покушенія на *негодные объекты*, приводитъ слѣдующій случай: «По нашему воззрѣнію нѣтъ мѣста преступному покушенію на кровосмѣшеніе, если виновникъ сожителствовалъ съ женщиной, которую онъ считалъ своею сестрою, но которая, какъ оказалось послѣ произведеннаго слѣдствія, принята была въ домъ его родителей, какъ сирота, и только воспитывалась какъ родное дитя». Быть можетъ такого субъекта и нельзя привлечь къ суду, но второстепенный фактъ, констатирующий отсутствіе кровнаго родства, *психологически* нисколько не умаляетъ гнусности самаго дѣянія. Съ другой стороны, бываютъ обстоятельства, при которыхъ дѣяніе, являющееся само по себѣ преступленіемъ, возбуждаетъ чувство уваженія; стоитъ вспомнить, напр., объ убійствѣ Мората Шарлотой Корде, или матери, которая рѣшается на воровство или проституцію, чтобы спасти своего больного ребенка.

Интеллигентному уголовному судѣ, которому предстоитъ высказаться по поводу отдѣльнаго случая и который не довольствуется чисто формальнымъ установленіемъ факта преступленія, примѣненіемъ опредѣленныхъ параграфовъ и схематическимъ соизмѣреніемъ наказанія со степенью виновности, не много радости доставляетъ его призваніе. «Въ высшей степени вредный формализмъ въ вопросѣ наказуемости и слишкомъ широкія границы судейскаго усмотрѣнія въ опредѣленіи степени наказанія противорѣчатъ другъ другу»²⁾). Судья крѣпко связанъ писаннымъ правомъ, которое оставляетъ ему слишкомъ мало простора для оцѣнки психологическихъ *мотивовъ*. Что съ обстоятельствами, сопровождающими преступленія, приходится считаться, — на это ясно указываютъ параграфы, касающіеся необходимой обороны, смягчающихъ вину обстоятельствъ, невмѣняемости душевнобольныхъ, полной или частичной безнаказанности несовершеннолѣтнихъ, а также и увеличенія наказанія при повторномъ рецидивѣ. Лишь нѣкоторые лица, точка зрѣнія которыхъ не выдерживаетъ строгой критики, ни какъ не могутъ признать законнымъ требованіе психологическаго анализа столь сложнаго феномена, какъ преступленіе.³⁾

¹⁾ *Zucker, Noch ein Wort zur Lehre von untauglichen Versuche. Archiv für Strafrecht* т 36, стр 370

²⁾ *Wach Zukunft des Strafrechts*. Рѣчь, произнесенная въ Дюссельдорфѣ на 75-мъ годовичномъ собраніи Рейнско-Вестфальскаго тюремнаго общества.

³⁾ Ср *Sacker, Der Rückfall*, стр. 19. М. Чубинскій, Мотивъ преступной дѣятельности и его значеніе въ уголовномъ правѣ.

Для удовлетворенія этого требованія необходима иная научная подготовка, нежели та, которую могутъ дать комментаріи уголовного уложенія. «Коренную причину многихъ недостатковъ нашего современнаго состоянія, я вижу въ исключительно—юридическомъ образованіи нашихъ криминалистовъ—теоретиковъ и практиковъ. Мнѣ и въ голову не приходитъ требовать отъ криминалиста антропологическихъ или статистическихъ излѣдованій; но я требую, чтобы онъ былъ знакомъ съ результатами *уголовной біологіи* и *уголовной соціологіи* такъ же хорошо, какъ съ параграфами уголовного уложенія или рѣшеніями имперскаго суда». Такъ говоритъ *проф. Листъ*¹⁾, который изученіе преступленія, какъ соціальнаго явленія, и преступника въ его особой индивидуальности цѣнитъ такъ же высоко, какъ и изученіе законодательныхъ нормъ. И онъ вполне правъ. Наша уголовная юстиція — *не абстрактная наука, а практическая уголовная политика.*

Необходимость дать послѣдней прочныя основанія можетъ отрицать лишь тотъ, кто не хочетъ или не можетъ знать, во что обходится государству человѣческая преступность. Нѣмецкая уголовная статистика 1898 года показываетъ, что на 572.381 дѣяній, бывшихъ предметомъ судебного разбирательства, пришлось 477.807 обвинительныхъ приговоровъ; на каждые 100.000 уголовно-совершеннолѣтнихъ—1257 осужденныхъ; при этомъ статистика имѣетъ въ виду, конечно, преступленія и проступки противъ общеимперскихъ законовъ, а не противъ законовъ отдѣльныхъ частей имперіи, и оставляетъ въ сторонѣ безчисленные мелкія нарушенія. Поэтому странною должна показаться каждому, кто знакомъ съ этимъ явленіемъ—а оно должно быть знакомо всякому юристу—излюбленная въ такихъ случаяхъ попытка ослабить значеніе этихъ цифръ указаніемъ на то, что въ нихъ включены данныя о наказаніяхъ, которымъ подвергаются лица, нарушающія предписанія о привитіи оспы или уничтоженіи гусеницъ (ср. *Вахъ*, цитированное соч.). Серьезность положенія, при которой совершенно неумѣстны эти забавныя увертки, требуетъ вполне объективнаго и спокойнаго къ себѣ отношенія.

Въ 1898 г. нѣмецкіе суды вынесли 48 смертныхъ приговоровъ; лишеніе свободы выразилось не менѣе какъ въ 28.000 лѣтъ заключенія въ каторжной тюрьмѣ и 49.000 лѣтъ—въ тюрьмѣ! Издержки по преслѣдованію уголовнымъ судомъ и приведенію въ исполненіе судебныхъ приговоровъ исчисляется Зейфертомъ для Германіи въ 100 милліоновъ марокъ. Нужно ли еще говорить, почему судья долженъ оставить свой письменный столъ, выйти изъ залы суда, изъ своего рабочаго кабинета и окунуться въ дѣйствительную жизнь, въ народную массу для того,

¹⁾ von List, *Kriminalpolitische Aufgaben. Zeitschr. f. d. ges. Strafrechtswissenschaft.* т. IX, стр. 456.

чтобы изучить преступниковъ и. лучше вооружившись, иначе, чѣмъ до сихъ поръ, повести *борьбу съ преступленіемъ*?

Для тѣхъ, по мнѣнію которыхъ уголовное право есть не болѣе какъ продуктъ логическаго построенія и которые очень довольны, когда имъ удастся найти для жизненнаго явленія какую нибудь подходящую общую формулу, приведенныя цифры не имѣютъ никакого значенія. Тѣ же, которые не довольствуются рѣшеніями, подсказываемыми буквою закона, не должны избѣгать непосредственныхъ соприкосновеній съ будничною жизнью; они должны ознакомиться съ *уголовной социологіей*, раскрывающей въ данныхъ уголовной и *моральной статистики*.

Уголовная социологія показываетъ, при какихъ внѣшнихъ обстоятельствахъ возникаетъ преступленіе, какое вліяніе—прямое или косвенное—оказываютъ окружающія условія, въ которыхъ мы живемъ, на совершеніе преступныхъ дѣяній. Она также показываетъ, что на ряду съ социальными явленіями, воздѣйствующими на человека, послѣдній подвергается также вліянію присущихъ ему физическихъ и психическихъ факторовъ. Такимъ образомъ мы глубже проникаемъ въ *психогенезисъ* преступленія. Предъ нами при этомъ выступаетъ цѣлая совокупность новыхъ точекъ зрѣнія, новыхъ вопросовъ, на которые не всегда возможно отвѣтъ. Не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что *психологія преступленія и преступники* не есть еще законченная наука; для этого она еще слишкомъ молода. Но уже и теперь, одну за другую, вскрываетъ она причины, обуславливающія преступленіе, освѣщаетъ намъ тайники его, остающіеся скрытыми для судьи, постановляющаго окончательный приговоръ. расшатываетъ основныя устои уголовного права,—не для того однако, чтобы равнодушно присутствовать при полномъ крушеніи столь, повидимому, солиднаго зданія. Уголовная психологія стремится изслѣдовать причины преступленія и познакомиться съ дѣйствіемъ наказаній; она хочетъ на новыхъ основаніяхъ построить уголовное право, которое лучше, нежели современное, *защищало бы общество* и обезпечивало бы отдѣльную личность отъ преступныхъ посягательствъ. Такова *цѣль*. Каковъ же *путь*, ведущій къ ней?

«Преступники не должны разсматриваться какъ отверженцы общества; они также тѣсно связаны съ послѣднимъ, какъ рана съ тѣломъ». Это замѣчаніе *Корра* ¹⁾ столь же мѣтко, сколько и справедливо. Преступность есть неотдѣлимый факторъ человѣческаго общества, съ которымъ онъ органически связанъ, и отъ котораго онъ постоянно получаетъ все новую пиццу. Только въ обществѣ и во взаимодействіи съ нимъ совершается преступленіе, и если оно дѣйствительно представляетъ собою рану на социальномъ тѣлѣ, то слѣдовало бы попытаться продолжать эту

¹⁾ *Corie, Essai sur la criminalite.* стр. 76.

аналогію далѣе и внести въ изученіе преступности тѣ же приемы, какими обыкновенно пользуются при клиническомъ изслѣдованіи.

Въ медицины на первомъ планѣ стоитъ вопросъ о причинахъ и происхожденіи болѣзни—*этіологія*; затѣмъ—о внѣшнихъ признакахъ ея—*симптоматологія*; отсюда слѣдуетъ *діагнозъ*, отличеніе ея отъ другихъ болѣзней—*дифференціальный діагнозъ*, и наконецъ—*терапия*. Соотвѣтственно этому и мы стараемся прежде всего изслѣдовать причины преступности; затѣмъ—различныя формы, въ которыхъ проявляется преступленіе; дифференціальный же діагнозъ совпадаетъ съ вопросомъ о классификаціи преступниковъ, вопросомъ о существованіи «прирожденнаго преступника» *Ломброзо*. Когда мы, слѣдуя по этому пути, составимъ себѣ опредѣленные взгляды, когда мы возможно глубже проникнемъ въ сущность преступленія и его причины, тогда надо будетъ поставить самый важный въ практическомъ отношеніи вопросъ: какъ будемъ мы лечить эту рану на тѣлѣ человѣческаго общества? Мы рассмотримъ и изслѣдуемъ существующія средства и—если будетъ доказана недостаточность практикующихся методовъ леченія,—то постараемся выяснитъ, что можетъ быть сдѣлано:—задача въ одинаковой мѣрѣ серьезная и интересная.

Аналогія съ естественно-научною дисциплиною указала намъ не только на *направленіе* нашего изслѣдованія, но и дала намъ *методъ*, указала на самый удобный путь—*объективнаго наблюденія*. Разъ мы познакомились съ внѣшними обстоятельствами, при которыхъ было совершено преступленіе, то слѣдуетъ попытаться установить отношеніе между совершенными преступленіями и хорошо извѣстными намъ явленіями жизни. Само собою разумѣется, нельзя многого ожидать отъ анализа отдѣльных случаевъ, примѣненнаго хотя бы съ величайшею тщательностью. Правильность нашихъ наблюденій можетъ быть нарушена всякаго рода случайностями. Поэтому законы мы будемъ выводитъ только изъ обширнаго матеріала, который намъ можетъ доставитъ *уголовная статистика* ¹⁾.

Но здѣсь представляется для насъ два крупныхъ затрудненія. Одно заключается въ собираніи статистическаго матеріала ²⁾, другое—въ пользованіи имъ. Пользоваться абсолютными цифрами, какъ масштабомъ для сравненія, неудобно. Когда мы, напримѣръ, видимъ, что количество *assaults* (преступленіе противъ личности) въ Англіи за два трехлѣтія 1861—63 и 1879—1881 относятся между собою, какъ 100 : 102, пре-

¹⁾ Нѣмецкая уголовная статистика появляется ежегодно отдѣльнымъ томомъ, издаваемымъ имперскимъ статистическимъ бюро.

²⁾ Ср. по этому вопросу: *von Oettingen, Moralstatistik*. 3-е изд., стр. 440 и *von Scheele, Zur Einführung in die Kriminalstatistik, insbesondere diejenige des Deutschen Reiches. Allg. statist. Archiv*. т. I, стр. 185.

ступленія противъ собственности какъ 100 110, то просто еще не слѣдуетъ, что количество этихъ преступленій увеличилось. Дѣйствительно населеніе за то же время увеличилось болѣе чѣмъ на 30%, и потому выводъ о возрастаніи числа кражъ и тѣлесныхъ поврежденій былъ бы грубой ошибкой. Совершенно неправильно было бы также установленіе точнаго соотвѣтствія между увеличеніемъ числа преступленій и числа жителей. Ростъ населенія выражается прежде всего въ увеличеніи числа его молодыхъ членовъ; послѣдніе же принимаютъ болѣе замѣтное участіе въ пополненіи контингента преступниковъ, нежели взрослые. Съ этой оговоркой—ошибки въ исчисленіи нельзя избѣжать,—методъ, примѣняемый въ уголовной статистикѣ германской имперіи, исчисляющій количество преступленій по числу уголовно совершеннолѣтнихъ лицъ, т. е. всѣхъ жителей Германіи, начиная съ 12 лѣтнаго возраста, не вызываетъ почти никакихъ возраженій.

Но и относительными числами нельзя пользоваться безъ всякихъ ограниченій. Прежде всего надобно опредѣлить моментъ судебного процесса, къ которому должны быть приурочены цифровыя данныя. Принимать ли за исходной пунктъ вычисленія моментъ преступленія, обвиненія или осужденія?... Въ *уголовныхъ дѣлахъ* передъ нами только *фактъ*, но мы не видимъ его *виновника*, знакомство съ которымъ для насъ не менѣе важно. Во многихъ преступленіяхъ принимаютъ участіе нѣсколько лицъ. Въ числѣ уголовныхъ дѣлъ въ Германіи за 1898 г., закончившихся обвинительнымъ приговоромъ, оказалось 42.529, или 7.4% такихъ, въ каждомъ изъ которыхъ принимали участіе нѣсколько лицъ. Этого не слѣдуетъ упускать изъ виду, такъ какъ здѣсь дѣло идетъ никакъ не меньше чѣмъ о 100.000 преступныхъ лицъ.

Если мы остановимся на *обвиняемыхъ*, то среди нихъ опять таки попадаютъ лица совершенно невинныя или такія, виновность которыхъ не могла быть доказана. Число оправданныхъ по суду въ 1898 г. было не менѣе 118.002 душъ, что составляетъ почти $\frac{1}{5}$ часть обвиняемыхъ. Всѣ эти лица для нашихъ выводовъ не имѣютъ значенія, хотя и не лишены извѣстнаго интереса. Оправдательные приговоры въ сильнѣйшей степени подвержены вліянію общаго правового сознанія господствующимъ въ обществѣ взглядамъ. Это становится яснымъ при сравненіи судебныхъ процессовъ различныхъ странъ. Стоитъ только вспомнить объ оправдательныхъ приговорахъ по дѣламъ о прелюбодѣянніи столь частыхъ въ романскихъ странахъ. Но и у насъ, въ Германіи, нѣтъ недостатка въ подобнаго же рода явленіяхъ. Въ дѣлахъ о поджогахъ каждый защитникъ въ интересахъ своихъ кліентовъ пользуется правомъ отвода присяжныхъ-сельскихъ хозяевъ, потому что въ этихъ дѣлахъ они болѣе, нежели горожане, склонны къ обвиненію; и, наоборотъ, въ дѣлахъ о нарушеніяхъ присяги они предпочитаютъ присяжныхъ-крестьянъ. Съ